

Майя
Ломова

Родилась в г. Кургане в 1991 году. В 2014 году закончила Челябинскую государственную академию культуры и искусств, специализация «Музейное дело и охрана памятников». Работает в КОУНБ им. А. К. Югова. Автор ряда исследований, посвящённых жизни и творчеству Алексея Кузьмича Югова — видного отечественного писателя, историка, языковеда.

АЛЕКСЕЙ ЮГОВ О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

«Речь русская, во всей её народной глубине и красоте, непостижимая, богатейшая и ещё не знаю уж какая — священна для нас с вами, и, пожалуй, без преувеличений, дороже и самой жизни! Да оно так ведь и должно быть: язык — недаром же и народ и речь!!!»

Алексей Югов (из письма А. М. Топорову)

Алексей Кузьмич Югов (12 [25].03.1902 г. – 13.02.1979 г.) — известный отечественный писатель, учёный, публицист; уроженец зауральской земли, «тоболянин», как сам он себя называл. Место рождения Югова — слобода Каминская (ныне — село Каминское, Куртамышского района Курганской области), здесь прошли его детские и отроческие годы. В 1914 г. был зачислен в Курганскую мужскую гимназию. Первой пробой пера стали заметки в журнале «Школьные годы», издаваемом курганским Союзом учащихся (например, критическая статья «По поводу заметки «Бедные труженики»).

В студенческие времена (Одесский медицинский институт, 1920-е гг.) будущий писатель продолжает литературные опыты. Так, в 1923 г. в журнале «Силуэты» вышла поэма Югова «Лётчики», отмеченная

самим Эдуардом Багрицким. В 1930–1940-е гг. на страницах газет и журналов («Сибирские огни», «Красная новь», «Вопросы истории», «Звезда», «Наши достижения») можно прочесть десятки очерков и статей, посвященных истории, биографиям выдающихся деятелей науки, актуальным проблемам страны и людей. В 1950–1960-е гг. Алексей Кузьмич выступает в качестве корреспондента и рецензента на страницах «Литературной газеты», «Учительской газеты», газет «Комсомольская правда», «Известия»; журналов «Наш современник», «Нева», «Дружба народов», «Октябрь», «Литература и жизнь». В эти годы Югов очертил круг волнующих его проблем: засилье русского языка «иностраниной», борьба за сохранение самобытности, народности и чистоты родного языка, обогащение литературного языка живой разговорной речью.

Алексей Кузьмич Югов был ярким противником бездумного нормирования русского языка, выступал он против и так называемой «охраны» литературного языка от просторечий, осуществляемой учеными-лингвистами. По его глубокому убеждению, отдаление от народного языка мешает писателю широко и полно, правдиво, отражать настоящую жизнь. По этой же причине Югов, невзирая на должности и звания своих оппонентов (например, К. Чуковский, А. Солженицын), смело бросался «в бой» за свои убеждения! Энергичность, страстность, полемичность, принципиальность и темпераментность стали отличительными чертами Югова-публициста, Югова-ратоборца за слово русское. Эмоции свидетельствуют не только о злободневности затронутой темы, но и о натуре самого писателя-тоболянина.

Из огромного числа статей и эссе Югова, посвящённых русской речи, в 1962 г. вышел в свет сборник «Судьбы родного слова». Десять лет спустя, в 1972 г., вышла книга «Думы о русском слове». В ней к уже известным статьям были добавлены новые материалы. В материалах, вошедших в книгу, Югов рассказывает о глубинной мудрости народного языка, убеждает читателя в неисчерпаемой безмерности его возможностей. Автор призывает писателей и читателей не бояться использовать народные слова и выражения — ведь это и есть живой язык народа. «Нужно помнить великий закон всего живого: упражнение усиливает, растит и укрепляет, а неупражнение расслабляет, губит. Не упражняемая работой мышца становится дряблой. То же и с языком, — наставляет читателей и писателей Югов. — Восторженно-неистовое пожирание всевозможного чужесловия таит...

ту опасность, что запесочиваются, гложут год от году и самые родники русского словообразования». [1, с. 70 – 71].

«Со времен Смутного времени начинается первый наплыв чужеземных слов (латинизмы, полонизмы), — делится своими наблюдениями Югов, — 18 век — это настоящая языковая интервенция со стороны немцев и французов (германизмы и галлицизмы)» [1, с. 24]. Автор недоумевает, зачем нужны науке иностранные слова, без которых можно легко обойтись: лейнер вместо втулка, фляштауэр вместо испаритель, абдикация вместо отречение, аберация зрения вместо погрешность зрения, апатия вместо равнодушие, дифракция — огибание? [1, с. 24]. «Зачем же нам то и дело, надо не надо, протягивать руку на Запад за английскими и немецкими терминами?» — вопрошали многие русские писатели, которых Югов считал единомышленниками. Он постоянно обращается к авторитетному мнению классиков (А. Пушкин, В. Даль, И. Срезневский и др.) для бесспорной и большей убедительности. Он напоминает слова Ивана Сергеевича Тургенева:

” | *«Берегите чистоту языка как святыню. Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».*

Говоря о богатстве, самобытности народного русского языка, Югов обращает внимание на его метафоричность, которая позволяет, при умном, вдумчивом подходе, легко обходиться без иностранных слов: плечо рычага, пальцы бороны, лопатка, ключица, рукав реки... Опираясь на Александра Сергеевича Пушкина, Югов утверждает и требует (!) признания научной общественностью факт **главной триады художественного слова**: мыслеёмкость, точность и вещественность [1, с. 27]. Глубина и обилие мыслей в слове, при его краткости и точности, это есть **«мыслеёмкость»**. Например, слово «люди» объемлет собою любого человека, всех и каждого. В словах «человечество», «вселенная», «вечность», «бесконечность» — ёмкость беспредельная. Под **«вещественностью»** слова Югов вслед за Пушкиным понимает осязаемость, зримость, предметность, изобразительную наглядность, соответствие вещественному миру. В качестве примера, иллюстрирующего изобразительную силу русского языка, он приводит старинную поговорку:

- ” | *«Две прялки врозь под лавкой лежат, а семь топоров — вместе» (то есть, в большой семье редко уживаются в мире свекровь с золовкой, а вот мужики — легко).*

Публицист приводит и примеры собственных наблюдений за русской речью, отыскивает в ней изящные факты точности, мыслимости и вещественности родных слов и щедро делится своими открытиями с читателями.

- ” | *«Есть у каждого из нас две мышцы на шее: одна — справа, другая —, слева — пишет он в главе «Так что же нам делать». — Латинское их название, по точкам прикрепления, довольно неуклюже: *Musculus sternocleidomastoideus*. Ну, а когда сделали русский буквальный перевод-кальку, то получилось ещё хуже: «грудинно-ключично-сосцовая мышца». Но каково же было моё восхищение, когда у одного старинного русского анатома нашёл я совсем иное название этой мышцы — легкое, изящное и вдобавок прямо означающее, что именно эта мышца делает: кивательная мышца. Ибо она действительно осуществляет кивок, наклон головы». [1, с. 68-69].*

Автор восклицает:

- ” | *«Пример, достойный подражания! А у нас непременно силятся дать буквально кальку чужестранного термина».*

И заключает:

- ” | *«Это ничем не оправдано» (там же).*

Алексей Кузьмич похож на своих героев — ратоборцев, когда сражается в словесных баталиях со своими оппонентами за чистоту, мудрую глубину и красоту родного языка. Врагами русского языка он считал тех, кто навешивал ярлыки безграмотности, малообразованности носителям живой народной речи. Кто устанавливает табу, запреты в виде норм на употребление слов «просторечных», «устаревших», «областных». Невзирая на звания, должности, ученые степени своих оппонентов, он бросает в лицо «запретителям» открытую для себя истину:

- ” | *«Русский язык сам собой правит!».*

Ещё Платон говорил:

» | *«Народ делает язык образным и ясным, живым и метким. Если бы этим занялись ученые, язык был бы тусклым и тяжелым» [1, с. 131].*

«Югову ближе «Толковый словарь» не Дмитрия Николаевича Ушакова, но Владимира Ивановича Даля, который считал, что «Словарник — не законник, не установщик, а сборщик». Так называемый «литературный язык», по глубокому убеждению Алексея Кузьмича, не меркнет в щедрых россыпях живого народного слова, а естественно воссоединяется с народной речью. «Писатели-деревенщики» (В. Астафьев, М. Алексеев, В. Распутин и другие), описывающие невыдуманную жизнь современников подлинной народной речью, тому прямое доказательство...

Жизнь доказала, что посыл юговской публицистики — «Не засоряйте русскую речь ненужной иностранщиной!» — как никогда актуален в наши дни. Безудержное, бездумное использование «иностранщины» в повсеместной жизни — это вопрос и общественный, и, если хотите, политический. Так, в феврале 2023 г. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Хочется верить, что наша страна поняла, наконец, что за безобидной, на первый взгляд, многолетней словесной интервенцией кроется подлинная угроза суверенитету страны и самоидентичности народа. Это свидетельство того, что борьба нашего земляка Алексея Кузьмича Югова за чистоту и самобытность русского языка продолжается.

Два небольших сборника — «Судьбы родного слова», «Думы о русском слове» — стали важным событием отечественной культуры XX в. Кажется, настало время снять их с библиотечных полок, смахнуть пыль, перечитать, переосмыслить, а, возможно, и переиздать...

Список использованной литературы:

1. Югов, А. К. Думы о русском слове. – Москва: издательство «Современник», 1972. – 215 с.